

ЧУХЛЕБ С.Н.

**ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ
ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ
НОВОГО ВРЕМЕНИ**



Сергей Чухлеб

**Лекции по истории западной
философии Нового времени**

«Пробел-2000»

2014

Чухлеб С. Н.

Лекции по истории западной философии Нового времени /
С. Н. Чухлеб — «Пробел-2000», 2014

Издание содержит: Новое время: новая культура, новая философия;
философия XVII века; философия XVIII века; философия XIX века и т. д.

Содержание

Предварительные замечания	5
Часть I. Новое время. Новая культура. Новая философия	8
Глава 1. Время капитализма. Социально-экономические и политические предпосылки новой культуры и новой философии	9
Комментарий № 1	14
Комментарий № 2	15
Комментарий № 3	16
Комментарий № 4	22
Глава 2. Научная революция Нового времени. Основные черты философии Нового времени	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

С. Н. Чухлеб

Лекции по истории западной философии Нового времени

*Нет исследований более раздражающих, чем те, где
прослеживается родословная идей.*
Лорд Актон

Предварительные замечания

Данный текст является «промежуточным» вариантом второго тома «Археологии идей». Этот том все еще находится в работе. Но, к сожалению, мои студенты не имеют возможности ждать окончания этой работы. Учебник, освещающий материал второго семестра, им нужен уже сейчас. Именно поэтому я счел возможным и необходимым издать эту книгу.

Я хорошо осознаю, что текст не «пропечен», как следует. Кроме того, в нем отсутствуют некоторые главы, которые обязательно должны присутствовать во втором томе «Археологии идей». Надеюсь, что читатель не будет слишком строг к этой книге.

Второй том я планирую в качестве продолжения «Археологии идей. Истории философии в доступном изложении. Запад: Античность, Средневековье». Впрочем, каждую из этих книг вполне можно считать самостоятельным текстом. Помимо временной последовательности эти две книги могут быть объединены и общей для них задачей – **археологией идей**. Для нас понятен и привычен феномен изобретения какой-либо вещи или технологии. Но идеи, фактически, изобретаются так же, как изобретаются вещи и технологии. Изобретение чего-либо при всей спонтанности этого процесса обуславливается наличными характером общества и исторической ситуацией. И степень востребованности изобретения, его судьба определяются этими же факторами. Классический пример тому – порох. Порох был изобретен в Китае в начале первого тысячелетия нашей эры, но в вещество, революционизирующее мир, он превратился лишь тогда, когда с этим изобретением ознакомились Западная Европа.

То же с идеями и мировоззрениями. У них всегда есть автор. И этот автор укоренен в соответствующей исторической эпохе и мыслит сообразно социокультурным обстоятельствам своей социальной среды. И если его идеи оказываются востребованными, то они начинают меняться и преобразовываться, эволюционировать сообразно эволюции социума и культуры, меняя по ходу этой эволюции мир.

Таким образом, «археология идей» ставит перед собой задачу проследить возникновение и эволюцию таких культурных программ, как философские идеи, и понять, почему и в каком виде эти программы ныне присутствуют в нашей голове и определяют наше поведение.

Подобное исследование значимо не только для узкого круга специалистов, но и для множества образованных людей. Знание о собственных культурных программах, определяющих наше мышление и поведение, позволяет человеку более произвольно, более творчески относиться к ним и изменить их при необходимости сообразно пониманию собственного блага. Подобное изменение тем более необходимо, поскольку ум современного человека (впрочем, как и человека прежних эпох) содержит в себе невообразимую мешанину из истинных идей, из идей-фантомов, из идей-паразитов, из идей-долженствований и из много чего другого. И все эти идеи противоречат друг другу и постоянно конфликтуют. В итоге, человек оказывается в той же ситуации, в какой пребывает компьютер, обремененный несколькими фундаменталь-

ными конфликтующими программами. Компьютер в подобной ситуации «зависает», а человек совершает действия, которые вместо ожидаемого блага порождают зло.

Соответственно, понимание сущности и логики той или иной культурной программы, «засевшей» у него в голове, позволяет образованному человеку заняться чисткой собственного сознания. При этом, заметьте, я вовсе не настаиваю на том, чтобы человек «чистил» свое сознание сообразно тем идеям, которые я считаю истинными или наиболее адекватными современной цивилизации. Вне всякого сомнения, в моем лице Истина, наконец, обрела вернейшего и доверенного друга. Но я отлично осознаю, что сокровенное знание о подобной дружбе посещало и посещает множество людей и само по себе не может являться гарантией обретения истины. Поэтому разумно и хорошо, если каждый сам определит, что для него является истинной и благом и сообразно этому избавит свое сознание от конфликтующих программ и идей. Подобная процедура, как минимум, станет еще одной проверкой истинности того мировоззрения, которого придерживается человек.

Некоторые мои коллеги, ознакомившись с первым томом «Археологии идей», упрекали меня за многочисленные авторские отступления от изложения исторического материала, напечатанные мелким шрифтом. Иногда дело даже доходило до курьеза. Одна моя коллега жаловалась мне, что «мелкий шрифт» ее сильно отвлекает от основного изложения. «Так не читайте его! Этот текст для того и напечатан мелким шрифтом, чтобы читатель при желании мог его игнорировать» – отвечал я ей. «Да как же его не читать, когда там написано самое интересное!» – изумилась в ответ коллега.

Я хорошо осознаю соблазн, заключающийся в моем «мелком шрифте» не только для читателя, но и для автора. Желая быть предельно объективным и диалогичным по отношению к тому или иному философу прошлого, я компенсировал это необходимое для адекватного изложения смирение тем, что разрешал себе свободно выразить свое мнение об этом философе и его идеях в разделах, напечатанных мелким шрифтом. Но при этом мне постоянно приходилось бороться с разрастанием этих авторских отступлений с тем, чтобы философия автора не заслонила собой личности и идеи тех философов, которые стали предметом моего изложения. Похоже, разумную пропорцию между излагаемыми философами и позицией автора в первом томе мне удалось соблюсти.

Принятый мною способ изложения преследует и еще одну цель. Философия – сложный, а иногда и скучный предмет. Именно поэтому необходимо использовать особые приемы, чтобы возбудить интерес и спровоцировать размышление читателя. Я надеюсь, что ознакомившись с идеями того или иного философа прошлого и получив представление о том, что автор думает относительно этих идей, читатель получит возможность выработать собственную позицию. К этому его побуждает то «напряжение», тот конфликт, который возникает между философией мыслителя прошлого и философией автора – выслушав ту и другую сторону, читатель получает импульс к тому, чтобы выработать на этот счет свое особое мнение. Иными словами, заочно полемизируя с философами прошлого, я надеюсь спровоцировать на вступление в эту полемику и читателя.

Мне представляется, что благодаря этому моя книга может оказаться весьма полезной и при преподавании философии в ВУЗе. В этой ситуации эффект «вовлечения» студента в полемику философов может только усиливаться, если к позициям философа прошлого и философа Чухлеба добавится еще и позиция преподавателя – ознакомившись с мнениями двух философов, студенту будет любопытно узнать, что думает на этот счет человек, который преподает ему философию.

Впрочем, относительно последнего пункта меня одолевает изрядный скепсис. Большинство наших преподавателей философии чужды тем идеям, которые я заявляю. Боюсь, что они не решатся знакомить с этими идеями своих студентов, опасаясь их якобы «развращающего», «разрушающего», «пагубного» действия. Кроме того, к сожалению, многие преподаватели рас-

смаатривают свою должность как мандат на право монопольного формирования мировоззрения своих студентов. Аудитория – это место, где человек, жаждущий власти над душами других людей, может свободно и почти бесконтрольно реализовать свои амбиции. Естественно, что для такого преподавателя моя книга окажется лишь помехой. Ведь все так хорошо складывается: есть ближайший друг Разумного, Доброго, Вечного – преподаватель; есть юный и неопытный студент, которого необходимо приобщить к Разумному, Доброму, Вечному; и есть «классик», – эдакие «философские мощи» – которого можно использовать в качестве ориентира на этом благотворном пути. Присутствие автора «Археологии идей» в этом интимном процессе совершенно неуместно.

Но, впрочем, я надеюсь, что со временем количество просвещенных преподавателей философии будет лишь возрастать и что они смогут по достоинству оценить те дидактические перспективы, которые им открывает моя книга.

За тот год, что минул с момента издания первого тома «Археологии идей», я имел возможность ознакомиться с отзывами моих читателей. Суммируя характер этих отзывов, я прихожу к выводу, что в целом мой проект оказался успешным.

Студенты говорят мне, что «Археологию идей» очень интересно читать. Это интересная и понятная книга. Более того, к моему приятному удивлению «Археология идей» вызвала интерес и у родителей студентов. Последнее для меня особенно лестно, поскольку уж родителей-то моих студентов точно никто и ничто не заставляет читать эту книгу. Но они читают ее охотно и с большим интересом. Не так давно одна моя бывшая студентка позабавила меня следующими словами: «Представляете, Сергей Никитович, сегодня утром моя мама удивила меня вопросом: «Нет ли у тебя почитать чего-нибудь позитивного, типа «философии» Чухлеба?»» Смущенный столь лестными словами я не нашел ничего лучше, как отшутиться в ответ: «В этом нет ничего удивительного: жизнерадостный толстяк пишет позитивные вещи. Все верно».

Но этот успех первого тома парадоксальным образом накладывает на меня изрядное бремя тревоги и ответственности – успешное начало требует успешного продолжения. Но философия Нового времени – это значительно более сложный и менее благодатный для живого изложения материал. В последние пятьсот лет мир вступил в эпоху революционных изменений. С каждым столетием социальная жизнь все более усложняется. Усложняются и философские системы, обслуживающие социум. Возникновение и торжество науки оказывает сильнейшее влияние на философию. Столетиями господствует лишь научная философия. Очевидно, что сложные и наукообразные философские системы мало пригодны для доступного и живого изложения.

Таким образом, успех первого тома порождает во мне сильнейший страх разочарования, которое, возможно, испытают мои читатели с нетерпением обратившись ко второму тому. Быть может, именно этот страх делает меня настолько самокритичным, что иной раз мне начинает казаться, что второй том получился менее удачным. Так это или нет – судить читателю. Мне же лишь остается уповать на его снисходительность.

В первом томе «Археологии идей» я старался соблюсти определенную систематичность в изложении и не упустить ничего из того, что достойно внимания. Конечно, мои возможности быть систематичным были ограничены тем объемом книги, который я сам себе определил, сообразуясь с жанром и задачами текста. Эта ограниченность проявилась уже в разделе, посвященном средневековой философии – она оказалась представленной весьма фрагментарно.

Те же проблемы преследовали меня и при написании второго тома. Обширность и сложность философии Нового времени не позволили мне достаточно полно изложить все темы, в рамках этой книги. Некоторые же персоны и философские направления оказались и вовсе «за бортом» изложения. В этой ситуации мне не остается ничего другого, как утешать себя мыслью, что со временем, при дальнейшей работе с текстом, я обнаружу хороший способ органичного включения неосвещенного здесь материала.

Часть I. Новое время. Новая культура. Новая философия

Философия, как и всякая другая область культуры, не пребывает в социальном вакууме. Она связана множеством нитей с обществом и зависит от его характера. В некоторых обществах философия в принципе невозможна. В других она пребывает в весьма странном, «искаженном» виде. Форма и характер философии напрямую зависят от формы и характера культуры в целом. Последняя же полностью определяется социальным типом общества.

Именно поэтому рассказ о западноевропейской философии Нового времени необходимо предварить очерком о возникновении цивилизации, в лоне которой эта философия появилась. Иными словами, речь пойдет о происхождении Современности, поскольку именно в XVI–XIX вв. сформировались те социальные структуры, которые в своем развернутом и зрелом виде в XX веке стали называться «современным обществом». В этом отношении философия Нового времени может и должна рассматриваться как совокупность различных идеологий, различных духовных систем, отражающих и поддерживающих процесс возникновения современного общества.

Глава 1. Время капитализма. Социально-экономические и политические предпосылки новой культуры и новой философии

Удивительно, но современный среднестатистический человек, как правило, не может ответить на вопрос: в какую эпоху он живет? Сущность нынешнего времени остается для него неведомой. В лучшем случае такой среднестатистический человек использует термин «современное общество» и добавит, что наше время – это время научно-технического прогресса. Ответ неплох, но подобный ответ освещает лишь внешнюю, наиболее заметную сторону того великого социального потока, который мы наблюдаем, и в котором пребываем последние пятьсот лет.

А между тем, на наших глазах свершается величайшая революция в истории человечества. Таких революций пока можно насчитать три: первая – возникновение *homo sapiens* («человек разумный», наш биологический вид); вторая – возникновение земледелия и цивилизации; третья – та, которая свершается ныне – **возникновение современного индустриального общества**. (См. комментарий № 1 в конце главы).

Эта революция началась пятьсот лет тому назад и, если смотреть в глобальном разрезе, все еще далека от завершения – некоторые общества уже модернизировались, другие же – еще бредут по этой дороге скорби, испытаний и надежд. Безусловно, предпосылки этой модернистской революции созревали столетиями, но ее начало можно отнести к рубежу XV–XVI веков – время Великих географических открытий, Реформации, возникновения начатков промышленности, мировых торговых империй, науки, секуляризации мышления, изобретения книгопечатания и т. д. – проявлений множество. Я укажу лишь на некоторые из них, но сначала необходимо рассмотреть саму сущность и механизм этой революции.

И первый вопрос, который мы должны здесь задать: каким образом и почему эта революция стала возможной? Впрочем, образованный человек массы (а в нынешние времена образование стало массовым с соответствующими последствиями) отвечает на этот вопрос с легкостью. «В этом нет ничего удивительного! – говорит он – Человечество развивалось, развивалось и вот развилось до состояния современного общества». Но подобный ответ оказывается крайне проблематичным, если мы начнем вспоминать о следующих обстоятельствах.

Во-первых, история *homo sapiens* насчитывает более двухсот тысяч лет. Так почему же модернизированное общество вдруг возникает лишь в последние столетия? Почему оно не возникло раньше? Во-вторых, факты демонстрируют, что развитие не является чем-то обязательно присущим человеку. Нам известно множество примеров человеческих обществ, которые не только не преодолели Каменный век, но и навсегда застыли на его ранних этапах. И скорее всего, эти общества просуществовали бы в этом состоянии еще бесконечно долго, если бы не были поглощены современной цивилизацией. Так почему же одни человеческие общества действительно являют пример устойчивого развития, в то время как другие остаются образцом абсолютной неподвижности? В-третьих, мы видим, что развитие еще не означает движение по пути к современному обществу. Китайцы или арабы в конце XI века н. э. являли более высокие достижения, чем их современники-европейцы. Более того, достижения европейцев того же XI века выглядят жалкими и беспомощными на фоне цивилизационного расцвета Древнего Египта второго тысячелетия до н. э. Все эти народы и все эти цивилизации тысячелетиями являлись лидерами социального развития и вполне заслуженно могли считать и считали европейцев варварами. Но внезапно эти варвары в несколько сот лет совершают нечто, что навсегда оставляет прежних лидеров в плане развития далеко позади.

Таким образом, мы видим, что отсылка к понятиям «развитие» и «прогресс» не только не проясняет сути проблемы, но еще более ее запутывает. Скорее эти понятия *отражают* сущность возникшего в Европе в Новое время модернизированного общества, чем *объясняют* его возникновение. Не поможет нам здесь и ссылка на природные условия. Планета Земля являет удивительное разнообразие ландшафтов и климатических зон. Те же цивилизации Востока пребывали в неизмеримо более благоприятных климатических условиях, чем цивилизация Запада. Но местом зарождения и становления современного общества стал именно Запад.

Не стоит прибегать при исследовании этой проблемы и к понятию «особого духа» той или иной цивилизации. Категория эта темна и умозрительна и имеет мало общего с научным знанием. При первом же использовании это понятие отменяет все критерии и правила науки и открывает широкую дорогу для всякой метафизики, умозрения и нелепых фантазий. Кроме того, исследуя духовность той или иной цивилизации, мы очень быстро обнаруживаем зависимость этой духовности от сущности и социальных структур исследуемой цивилизации.

Вопрос о причинах и условиях возникновения современного общества имеет не только теоретическое значение. В современном мире этот вопрос приобрел огромную политическую, социальную и мировоззренческую значимость. Модернизированные общества купаются в роскоши, блистают военной и политической мощью, прельщают свободой и комфортом жизни, завораживают удивительными достижениями в науке, искусстве, медицине и т. д. И представители менее «счастливых», немодернизированных обществ с жадностью и завистью взирают на это благополучие. И они задаются вопросом: как бы и им совершить нечто подобное и достичь таких же блестящих цивилизационных высот?

Безусловно, у меня и у некоторых таких же умных (а может быть, и умнее) социальных теоретиков есть ответы на все эти вопросы. Правда, эти ответы оказываются настолько «не в масть» тому, что желали бы услышать миллиарды варваров, неистово толпящихся у границ модернизированного мира, что откровения эти всякий раз оказываются подобны «гласу вопиющего в пустыне». Впрочем, задачи и рамки данного текста не предполагают подробного обсуждения этих проблем. Я ограничусь лишь тем, что предложу читателю лишь часть ответов на заданные вопросы. Но это самая важная часть. **Современное общество возникает и формируется в Западной Европе в тот момент, когда там возникает и формируется капитализм. Рождение и развитие капитализма и есть рождение и развитие современного общества.**

Начиная с XVI века, в Западной Европе начинает формироваться торгово-промышленная, индустриальная цивилизация. Социальная форма такой цивилизации – **капитализм**¹. Множество частных предпринимателей открывают мастерские, мануфактуры, торговые компании и пытаются торговать своими товарами по всему миру. Буржуазия, подобно бактериям, начинает плодиться, множиться и преобразовывать общество. Этому процессу часто способствуют сильные мира сего – короли и князья, которые очень быстро обнаруживают, что богатая буржуазия – это источник больших денег, богатства и силы государства. А деньги правящей элите нужны, поскольку роскошный образ жизни, новые культурные потребности, создание бюрократического централизованного государства, регулярная армия и военные новшества стоят дорого.

¹ Мне тотчас могут заявить, что индустриальная цивилизация может быть оформлена не только в рамках капитализма, и приведут в качестве примера социалистические общества. К сожалению, это как раз тот самый случай, когда желаемое искренне выдают за действительное. Поэтому отвечу: 1. Индустриальная цивилизация возникает через капитализм и благодаря капитализму; 2. Многочисленные попытки в XX веке построить современную экономику в рамках некапиталистических общественных отношений на данный момент закончились полным крахом; 3. Ни одно из этих обществ не просуществовало больше столетия. И следовательно подобные кратковременные социальные эксперименты не могут быть предъявлены в качестве проверенной и жизнеспособной альтернативы. Таким образом, нет никаких серьезных оснований противопоставлять успешной на протяжении нескольких столетий капиталистической формации кратковременные и неудачные попытки построить некапиталистическое индустриальное общество.

В качестве примера можно привести изобретение артиллерии. Пушки – дорогое удовольствие. Они дороги в производстве и дороги в содержании. До XVIII века артиллерист – это не военный, не солдат, а высокообразованный инженер, который при ведении артиллерийского огня осуществляет множество сложных расчетов и технических манипуляций. Естественно, эти люди нуждаются в хорошей оплате. Но помимо всего прочего, денег требует и сама стрельба – снаряды и порох стоят изрядно. «Порох сделал войну непомерно дорогой. Он и сам был весьма недешев. Согласно некоторым подсчетам, пушечный выстрел в XVI веке обходился в пять талеров – сумма, равная месячному жалованью пехотинца. А уж сами пушки были и вовсе разорительными для общественного благосостояния. Их отливали из дорогого металла высокооплачиваемые специалисты, а для перевозки орудий на поле боя требовалось беспрецедентное количество тягловых животных. В артиллерийском обозе испанской армии, воевавшей в Нидерландах в 1554 году, насчитывалось пятьдесят пушек и пять тысяч лошадей». (25. 110). Как видим, артиллерия – это очень дорогое удовольствие. Его могут позволить себе лишь богатые государи.

А без артиллерии в это время государем быть весьма затруднительно, ибо довольно быстро можно лишиться своего государства.

Самое интересное, что все эти чудесные вещи есть плод именно буржуазных, капиталистических структур. Эти структуры заявляют о своем праве на существование, не только финансируя в виде налогов и таможенных сборов потребности королей и князей, но и обеспечивая их новейшими техническими достижениями.

Интеллектуалы изобретали новые вещи всегда, во все времена и во всех обществах. Достаточно вспомнить хотя бы Китай – родину множества удивительных открытий² и изобретений. Но подлинной родиной научно-технического прогресса стала именно Западная Европа. Европейцы не только с успехом заимствовали чужие открытия, но и смогли создать эффективный социокультурный механизм, поставивший технические изобретения и их внедрение в жизнь «на поток».

Подобная ситуация глубоко закономерна. Если для сравнения обратиться все к тому же Китаю, то мы обнаружим, что социальный тип китайского общества не предполагал наличия капиталистических структур, и потому это общество было на редкость неподвижным и консервативным. Большинство удивительных изобретений китайцев так и остались для самих китайцев в статусе странных диковинок и забавных игрушек – традиционная структура китайского общества не способствовала научно-техническому прогрессу. Лишь в Западной Европе эти изобретения были использованы и доведены до совершенства. И виной тому – именно капиталистические структуры. Ведь самой сущностью капитализма буржуазия подталкивается в объятья научно-технического прогресса. (См. комментарий № 3 в конце главы).

В силу множества достаточно уникальных причин и обстоятельств, о которых здесь нет возможности подробно говорить, западноевропейская средневековая цивилизация в XV столетии, наконец, «дозрела» до возникновения капитализма и появления промышленной цивилизации. Здесь, начиная с этого времени, капиталистические структуры множатся и крепнут³.

² Тот же порох был изобретен именно в Китае на рубеже первого и второго тысячелетий н. э., но литью пушек и использованию артиллерии китайцы учились у португальцев в XVI веке. (См. комментарий № 2 в конце главы) Желая, во что бы то ни стало, занять современную артиллерию, китайский император поручил европейским монахам, прибывшим с миссионерскими целями, организовать производство пушек – видимо, он полагал, что все «белые варвары» искусны в этом проклятом ремесле (25. 140).

³ В действительности этот процесс не столь прямолинеен и гармоничен. Так, например, расцвет итальянских торгово-ремесленных городов в XIV–XV веках, ставший социально-экономической основой Возрождения, уже в XVI столетии сменился упадком – в итоге, здесь капитализм просто «не успел» сформироваться. Родиной капитализма стала Северная Европа (Нидерланды и Англия).

Буржуазия нуждается в технических новшествах, ибо они позволяют предложить потребителю новый интересный товар. Они позволяют разорить конкурента, который по неразумию и нерасторопности ведет свое дело по старинке. Реализация новаций – это хорошие деньги. Но востребованность технических новаций означает и востребованность научного знания. В итоге нарождающаяся новая наука обретает социально-экономический фундамент – ученые находят все большую поддержку у коммерческой элиты общества.

Таким образом, ситуация оказывается прямо противоположной той, которая складывается в «закрытых» обществах Китая, Турции, России и им подобных стран. Если в «закрытом» обществе изобретатель ломится со своим изобретением во все двери, а его гонят прочь, то в буржуазном обществе капиталист сам обивает пороги лаборатории с вопросом: когда же будет готово обещанное изобретение?

Первое очень существенное и хорошо заметное следствие капиталистической перестройки западных обществ – стремительный рост их военного и политического превосходства.

Наглядным примером здесь может служить Османская империя (Турция). В XIV веке это общество двинулось по историческому пути, который впоследствии (конец XV–XVI вв.) избрала также и Россия. Вся социальная структура была мобилизована на службу военизированному, экспансионистскому государству. Все подданные этой империи находились в ведении и в собственности всеобъемлющего государства. Каждый человек, какова бы ни была его профессия, находился на государственной службе – его профессия и была службой государству. В итоге этой всеобщей мобилизации общественных ресурсов, мы видим стремительный рост мощи Оттоманской империи. Ее армии в XV–XVI вв. держат в страхе всю Европу и половину Азии. Турки-османы способны выставить в поле превосходную армию, сочетающую в себе прекрасное качество вооружения и огромное количество солдат.

Но обратной стороной имперского могущества было окостенение социальной жизни. Торгово-ремесленный сектор экономики так и не смог развиваться в сторону капитализма. Соответственно, и социального прогресса и прогресса научно-технического Турция так же благополучно избежала. В итоге, уже к XVIII веку эта империя начинает проигрывать в политическом и экономическом плане Западной Европе. Вооружение и организация ее армий безнадежно устаревают, и турецкие полчища достаточно легко побеждаются немногочисленными, но хорошо вооруженными и хорошо организованными европейскими армиями. Европейская армия в несколько десятков тысяч солдат с легкостью сокрушает стотысячные воинства турок. Причем последние гибнут и сдаются в плен десятками тысяч – европейцы же теряют несколько сотен убитыми и ранеными.

И уже в XIX веке русский царь Николай I все более настоятельно вопрошает великие европейские державы о том, когда же и каким образом будет делиться наследство «больного человека Европы» – Турции – и, не получая, по его мнению, должного ответа, единолично пытается присвоить это наследство. Дело кончилось Крымской войной и поражением Российской империи – Николай I хорошо видел болезни Османской империи, но не замечал хронических недугов своей собственной державы.

Европейцы побеждают не только качеством вооружения, но и регулярной организацией своей армии. В этой организации также прослеживаются дух и характер новоевропейского капиталистического общества. Капитализм рационализирует и радикально модернизирует не только технологии производства, но и технологии войны. Так что нет ничего удивительного в том, что регулярная организация новоевропейской армии, предполагающая целую военную науку, возникает именно в капиталистических странах Запада. Иные же страны лишь более или менее успешно пытаются заимствовать эти новшества.

Другое следствие капиталистического преобразования Западной Европы – ее экономическая, а значит, и культурная экспансия в мировом масштабе. Новое и Новейшее времена – эпоха глобального политического, экономического, военного и культурного господства Западной Европы. Возникает единое мировое пространство, поскольку ранее существовавшие отдельно и независимо друг от друга континенты и цивилизации вдруг оказываются стянутыми в единое целое щупальцами мирового капиталистического рынка. Именно потребности этого рынка порождают все новые и новые транспортные средства и технологии. Европейцы проникают во все уголки планеты. Пользуясь своим военным превосходством, они грабят более отсталые страны и одновременно с этим создают рынки для своей промышленности. Эта экспансия опять же во многом порождена потребностями капиталистического производства – это массовое производство, и чем более оно масштабно, тем более выгодно.

Капиталистическое преобразование стран Западной Европы сопровождалось и политической модернизацией.

Капиталистические структуры породили мощный и многочисленный класс буржуазии. Они же вызвали к жизни и многочисленный так называемый «средний класс», включающий в себя мелких и средних собственников, а также высококвалифицированных и высокооплачиваемых специалистов, обслуживающих капиталистическое производство, торговлю и модернизирующиеся политические структуры. Появился многочисленный слой интеллигенции. Возникновение и рост этих классов и слоев сопровождался их политическим развитием и выдвижением демократических требований.

Эти классы более не намерены мириться со своим бесправным положением. Они больше не желают быть «лакеями», угождающими аристократии. Они выдвигают идеи равенства, свободы и неотчуждаемых гражданских прав. «Старый порядок», предполагающий господство аристократии и бесправное положение народа, эти классы более не устраивает. Они требуют и добиваются свободы, равенства, демократии.

В итоге, в Новое и Новейшее время Европу сотрясают многочисленные социальные революции, все более и более подрывающие старый социальный порядок и утверждающие демократические формы социальной жизни. В результате этих революций свобода экономическая сливается со свободой политической и духовной, еще более ускоряя мощный поток модернизационных изменений.

Таким образом, разрушение аграрного общества и становление капитализма открывают **эпоху социальных революций**.

Аграрные общества почти не знали социальных революций. Их терзали войны, смуты, заговоры, бунты, но все эти социальные феномены оставались на поверхности социальной жизни – повседневная материальная жизнь общества эволюционировала крайне медленно или вовсе стагнировала.

Совершенно иная ситуация складывается в модернизирующихся обществах. Здесь история резко ускоряет свое течение и решительно устремляется в будущее. Все социальные процессы приобретают взрывной характер, что порождает многочисленные общественные противоречия. Практически ни одно модернизирующееся общество не смогло избежать революции или серии революций. (См. комментарий № 4 в конце главы).

Соответственно, очень многое в культуре Нового и Новейшего времени не может быть понято без учета того факта, что эта эпоха есть эпоха социальных революций.

В Западной Европе возникает **«открытое» общество**, то есть общество свободное, как в своих внешних, так и во внутренних проявлениях. И это «открытое» общество все более и более противопоставляет себя обществам «закрытым», то есть сохранившим традиционную социальную структуру.

Вместе с тем, «открытое» общество оказывается и **«обществом многообразия»**, **«плюралистическим обществом»**.

Аграрный социум подчиняется традиционному ритму жизни. Традиция, на страже которой стоят государственные и религиозные институты, контролирует и подчиняет все. В таком обществе нет места многообразию и новшествам. Любое отклонение от традиции сурово карается и подавляется, поскольку воспринимается как проявление дьявольских сил, как ересь или безумие. В итоге, проходят тысячелетия, но жизнь людей не меняется.

Модернизированное же общество, покоящееся на свободе экономической, политической и духовной, провоцирует, поддерживает и укрепляет многообразие. Каждый член этого общества имеет полное и законное право на почти любое предприятие в области экономики, политики, общественной жизни, культуры. В итоге, общественная жизнь становится чрезвычайно многообразной.

Конечно, в этом многообразии есть и свои недостатки. Многообразие проявляется и в том, что появляются очень странные, а иной раз, даже опасные, люди, общественно-политические организации, идеологии. Многих это многообразие раздражает и пугает, ибо человек по своей природе консервативен и «монологичен»: дай ему волю – он с удовольствием и без всякого сомнения переделал бы весь мир на один, свой манер.

Но это же многообразие является источником общественного прогресса. Свобода творчества и практической деятельности порождает целый шквал весьма полезных новаций, мощно продвигающих общество в будущее.

Комментарий № 1

Говоря об индустриальном обществе, я подразумеваю и наиболее продвинутые общества наших дней. Многие полагают, что для них термин «индустриальное общество» уже не подходит и используют иное обозначение – «постиндустриальное общество» или «информационное общество». Подобные термины, с моей точки зрения, нужно использовать крайне осторожно. Они хороши, если мы хотим сделать акцент на возросшей роли информационных технологий в современном обществе. Но эти термины неадекватны, если мы попробуем определить его сущность. Современное общество по-прежнему имеет центром своей тяжести промышленное производство – уберите его, и все «информационные» структуры рухнут.

Более того, я полагаю, что широко распространившаяся иллюзия примата информационных процессов над промышленными может быть опасной. Наиболее экономически продвинутые страны все более и более превращаются в экономические и технологические штабы мировой экономики, переводя реальное производство в менее развитые страны. Этот процесс имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Но помимо всего прочего, нужно помнить, что земной шар все еще покрыт множеством суверенных государств, между которыми все еще вполне возможны военные конфликты. В этом отношении, в случае глобальных политических потрясений и серьезного повреждения структуры мировой экономики наиболее развитые страны могут оказаться в очень неприятном положении. В случае же затяжного военного конфликта, в котором участвуют целые блоки различных стран, положение может стать катастрофическим. Что предпочтительнее в подобной ситуации: обладание технологией сверхсовременного танка или обладание реальным танком, пусть и устаревшей конструкции? В ситуации пространственной разнесенности информационных процессов и промышленного производства этот вопрос может перестать быть риторическим.

Комментарий № 2

В самом деле. Человек, изобретающий нечто новое, нуждается в том, кто это новое сделает частью повседневности. Иными словами, в обществе должны быть люди, заинтересованные в новациях. В том же Китае таких людей практически не было. Все общество было подавлено мощным централизованным государством.

А государство – это не некий монстр, который сидит на центральной площади столицы, и не ангел, витающий меж вдов и сирот с тем, чтобы утешить и накормить их. Государство – это бюрократия, чиновники. Официально, чиновник призван заботиться о том деле, к которому его приставили. И единицы из них пытаются это делать. Но большинство же озабочено лишь тем, чтобы «поиметь» от своей службы как можно больше⁴ и при этом угодить начальству – это угождение есть лучший, вернейший способ сделать карьеру. Любая новация для этих людей есть бедствие и головная боль, поскольку она создает массу проблем, которые непонятно как решать, ибо инструкции для решения этих проблем пока еще не написаны – дело-то новое и необычное. Занимаясь новациями, чиновник попадает на весьма опасное поле, где он может себя дискредитировать и лишиться благоволения начальства. Таким образом, вполне естественно, что новации чиновнику не нужны.

Эта проблема хорошо знакома россиянам. И наши «доморощенные теоретики» полагают, что она может быть решена посредством новых, еще более грозных и изощренных директив и политических «внушений». Тщетно. Грозными директивами и усиленными административными внушениями невозможно изменить природу и сущность социальной позиции бюрократии. Не помогут даже расстрелы.

Другой класс китайского общества – крупные землевладельцы. Они живут со своих земель и также не нуждаются в новациях. Они погружены в удовольствия и социальное представительство, и им нет дела до производства. Занятие производством не достойно их статуса.

Для крестьян же новые изобретения опасны, поскольку всякая новация в перспективе может оказаться неудачной. А неудача эта может означать потерю урожая за год или за несколько лет. В итоге – нищета, рабство или голодная смерть. Таким образом, китайский изобретатель остается со своим изобретением невостребованным.

Конечно, в Китае были люди, занимающиеся ремеслом и торговлей, и они могли бы воспользоваться новым изобретением. Но их деятельность была настолько подавлена мелочной регламентацией государства, что любые попытки реализовать новации почти всегда были обречены на провал. Не говоря уже о том, что постоянно существует риск изъятия богатства, добытого торговлей и ремеслом, тороватым государством.

Это схематичное описание социальной структуры, не принимающей новшеств, справедливо не только по отношению к древнему и средневековому Китаю.

Оно справедливо и в отношении подавляющего большинства аграрных цивилизаций. Частичное исключение здесь – средневековая Западная Европа.

⁴ Коррупция – важнейшая характеристика бюрократии. «Коррупция (от лат. *corruptio* – «растлевать») – термин, обозначающий обычно использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам». (Википедия) Чем шире полномочия государства, тем масштабнее коррупция. Любопытен в этом отношении следующий пример. В 1578 г. англичанин Френсис Дрейк прорвался со своими кораблями в Тихий океан и принялся грабить незащищенный западный берег испанских колоний в Америке. Добыча была фантастической. Единственный уцелевший корабль Дрейка увез в Англию 24 тонны серебра. Груз был столь велик, что корабль вполне мог затонуть под его тяжестью. Современные историки подытожили сумму убытков испанской короны, собрав и проанализировав отчеты испанских колониальных чиновников. Согласно этим отчетам Дрейк похитил 240 тонн серебра. Испанскому правительству почему-то не пришло в голову, что корабль Дрейка был в принципе не в состоянии увезти все эти сокровища. Суда по всему, рейд пирата стал для многих внезапно разбогатевших испанских чиновников настоящим подарком небес.

Комментарий № 3

В один из июльских дней 1972 года Джаред Даймонд прогуливался по берегу моря с местным политиком по имени Яли. И тот спросил его: «Почему вы, белые, накопили столько карго и привезли его на Новую Гвинею, а у нас, черных, своего карго было так мало?» (26. 23).

Этот вопрос туземного политика сразу отсылает нас к весьма любопытному религиозному культу, возникшему в XIX–XX вв. на некоторых островах Тихого Океана.

«Культ карго или **карго-культ** (англ. *cargo cult* – *поклонение грузу*), также **религия самолётопоклонников** или **культ Даров небесных** – термин, которым называют группу религиозных движений в Меланезии. В культах карго верят, что западные товары (*карго*, англ. *груз*) созданы духами предков и предназначены для меланезийского народа. Считается, что белые люди нечестным путём получили контроль над этими предметами. В культах карго проводятся ритуалы, похожие на действия белых людей, чтобы этих предметов стало больше...

Культы карго фиксировались с XIX века, но особенно сильно они получили распространение после Второй мировой войны. Члены культа обычно не понимают в полной мере значимость производства или коммерции. Их понятия о западном обществе, религии и экономике могут быть частичными и фрагментарными.

В наиболее известных культах карго из кокосовых пальм и соломы строятся точные копии взлётно-посадочных полос, аэропортов и радиовышек. Члены культа строят их, веря в то, что эти постройки привлекут транспортные самолёты (которые считаются посланниками духов), заполненные грузом (карго). Верующие регулярно проводят строевые учения («муштру») и некое подобие военных маршей, используя ветки вместо винтовок и рисуя на теле ордена и надписи «USA»...

Классические культы карго были распространены во время Второй мировой войны и после неё. Огромное количество грузов было десантировано на острова во время Тихоокеанской кампании против Японской империи, что внесло коренные изменения в жизнь островитян. Произведённые промышленным образом одежда, консервы, палатки, оружие и другие полезные вещи в огромных количествах появились на островах в целях обеспечения армии, а также и островитян, которые были проводниками военных и гостеприимными хозяевами. В конце войны воздушные базы были заброшены, а груз («карго») больше не прибывал.

Чтобы получить карго и увидеть падающие парашюты, прилетающие самолёты или прибывающие корабли, островитяне имитировали действия солдат, моряков и лётчиков. Они делали наушники из дерева и прикладывали их к ушам, находясь в построенных из дерева контрольно-диспетчерских вышках. Они изображали сигналы посадки, находясь на построенной из дерева взлётно-посадочной полосе. Они зажигали факелы для освещения этих полос и маяков. Приверженцы культа верили, что иностранцы имели особую связь со своими предками, которые были единственными существами, кто мог производить такие богатства.

Островитяне строили из дерева в натуральную величину самолёты, взлётнопосадочные полосы для привлечения самолётов. В конце концов, поскольку это не привело к возвращению божественных самолётов с изумительным грузом, они полностью отказались от своих прежних религиозных воззрений, существовавших до войны, и стали более тщательно поклоняться аэродромам и самолётам.

За последние 75 лет большинство культов карго исчезли. Однако культ Джона Фрума до сих пор жив на острове Танна (Вануату)». (Википедия).

«Джон Фрум (англ. *John Frum*) – центральное лицо в культе карго на острове Танна (Вануату), изображаемое в виде американского военнослужащего Второй мировой войны, который сделает его последователей богатыми и процветающими.

Движение Джона Фрума возникло в 1930-х годах на Новых Гебридах (историческое название – Вануату). Точно неизвестно, была ли личность этого человека выдумана спонтанно или осознано, как и не ясно, существовал ли вообще Джон Фрум. Есть предположения, что имя «Джон Фрум» является искажением выражения «*John from (America)*» (в переводе с английского языка – «Джон из (Америки)»).

Возникновение движения связано с местным жителем по имени *Манехиви*, который под псевдонимом «Джон Фрум» начал пропаганду культа карго. **При условии отказа от всех аспектов европейского общества (денег, западного образования, христианства, работы на кокосовых плантациях) и при условии приверженности местным традициям (или «кастом» от местного слова «*kastom*») он обещал островитянам наступление новой эры, в которой бы все белокожие люди, включая миссионеров, навсегда оставили Новые Гебриды, а коренное меланезийское население получило бы материальные блага, которыми наслаждается «белая раса».** (Выделено мной – С. Ч.).

В 1941 году последователи Джона Фрума избавились от всех своих денег, покинули миссионерские церкви, школы, деревни и плантации и переселились во внутренние районы острова Танна. В 1940-х годах движение стало ещё более популярным, особенно после высадки около 300 тысяч американских солдат в Вануату. Островитяне были поражены эгалитаризмом чужеземцев, их богатством и силой...

Последователи культа Джона Фрума соорудили на острове символическую взлётно-посадочную полосу и поместили там макеты самолётов, чтобы заманить на остров самолёт Джона Фрума. Также ими были сооружены символические вышки, на которых дежурили «диспетчеры», носящие на голове муляжи наушников. Жрецы культа Джона Фрума утверждают, что общаются со своим мессией «по радио» при помощи женщины с обмотанными вокруг талии проводами, которая впадает в транс и начинает произносить непонятные слова, затем толкуемые жрецом». (Википедия).

«Почему у белых людей так много карго?» Этот вопрос волнует не только туземцев тихоокеанских островов. Волнует он также и жителей стран, счастливо избежавших западной модернизации, в том числе и моих соотечественников. Естественно, россияне или иранцы не столь дики, как туземцы Тихого Океана. Они не мыслят в категориях первобытной магии. Они мыслят в категориях «магии» научно-технического прогресса. Им кажется, что достаточно позаимствовать у Запада технические и научные достижения, построить заводы и фабрики на манер тех, что существуют на Западе, организовать научные институты и высшие учебные заведения, и карго снизойдет на них изобильным потоком. Этот поток будет, естественно, неизмеримо богаче, чем тот, что снизошел на людей Запада, поскольку, делая все это, современные «туземцы» вовсе не собираются перенимать западные общественные отношения (западную социальную структуру, «западный» тип общества). Сохраняя свой традиционный тип общества, свою цивилизационную самоидентичность, они, с неизбежностью, сохраняют и нравственную чистоту, и духовность предков. А, как известно, магия нравственно чистого и духовного человека неизмеримо мощнее и успешнее, чем магия человека бездуховного и безнравственного.

Таким образом, мы видим, что *при всем внешнем отказе от схем и терминов первобытной магии «лучшие» умы немодернизированных стран фактически мыслят в той же парадигме, что и тихоокеанские туземцы.* Просто первые полагают, что карго порождается магическим путем, а вторые уверены, что для порождения карго вполне достаточно наличия научного института или современной фабрики. Но и те и другие уверены – карго можно обрести, не заимствуя «западный» (условный термин; следует различать модернизацию и вестернизацию) тип общественных отношений: «При условии отказа от всех аспектов европейского общества (денег, западного образования, христианства, работы на кокосовых плантациях) и при условии приверженности местным традициям... он обещал островитянам наступление новой эры, в

которой бы все белокожие люди, включая миссионеров, навсегда оставили Новые Гебриды, а коренное меланезийское население получило бы материальные блага, которыми наслаждается «белая раса»».

Научное мышление тем и отличается от мышления обыденного, профанного, что оно не является рабом очевидностей. Для профанного ума очевидно, что карго, например, компьютер, есть продукт, изготавливаемый на фабрике. И для него очевидно, что если в России или в Иране построить такую же фабрику, то Россия или Иран начнут производить компьютеры ничуть не хуже, чем на Западе. Для профанного ума очевидно, что новое карго изобретается учеными и если завести в России или в Иране некоторое количество ученых, то они с неизбежностью начнут выдумывать такие же карго и даже лучше.

И в тот момент, когда выясняется, что фабрика работает архиплохо и производит компьютеры, которые не могут конкурировать с компьютерами модернизированных стран, а талантливые ученые не имеют возможности внедрить в производство свои гениальные изобретения и просто покидают страну, профанный ум прибегает к рецепту, хорошо испытанному его предками. Этот рецепт прост: испокон веков если в государстве что-то не ладилось, то государь приказывал казнить некоторое количество подданных. Чем больше он казнил, тем больше якобы было порядка. Следовательно, если фабрика работает плохо, а ученый не может внедрить в производство свое изобретение – необходимы репрессии. А для хороших, масштабных репрессий нужен настоящий государь. Если такого государя обрести, страна с неизбежностью догонит и перегонит проклятые и оставит далеко позади безбожные западные страны. Кстати, весьма полезна в этом деле и вера. Чем в большей чистоте сохраняется религиозная вера предков, тем более просторные пути в светлое будущее обретают их потомки (основной тезис любого современного религиозного фундаментализма).

Такова магия «современных туземцев».

Современная же социальная наука утверждает: если вы хотите обрести блеск и мощь модернизированных стран, то вы должны модернизировать не только науку, промышленность и государство, но и само общество. Вы должны создать капиталистические общественные отношения, которые, окрепнув и развившись, дадут обильные плоды «карго».

Итак. Откуда появляется карго? Или, выражаясь научно, каким образом западные страны перешли из нищего аграрного Средневековья в индустриальную Современность? История этого перехода есть история становления и торжества капитализма. Именно капитализм породил ту социально-экономическую базу, которая в свою очередь преобразовала все западное общество.

Капитализм основывается на **частной собственности, товарном производстве и рыночной конкуренции**. Производства или торговые предприятия находятся в частной собственности. Это означает, что собственник гарантированно владеет своим имуществом и той прибылью, которую ему это имущество приносит. Частное предприятие работает на рынок, где в свободной конкуренции реализуются продукция и услуги. Свободная конкуренция позволяет потребителю выбрать наиболее качественный продукт или услугу по наиболее оптимальной цене. Это положение вещей означает, что капиталист, который плохо ведет свои дела, рано или поздно разорится. Выигрывают лишь жизнеспособные предприятия.

Капиталистическое производство – это производство массовое. Чем больше товаров выбрасывается на рынок, тем богаче капиталист. Чем более массовый характер имеет промышленное производство, тем ниже себестоимость товара. Чем ниже себестоимость товара, тем выше доходы капиталиста. Таким образом, капиталистическое массовое производство порождает колоссальное общественное богатство. Это богатство позволяет современному обществу финансировать современное государство, современную науку, современное искусство. Оно делает жизнь современного человека вольготной, сытой и цивилизованной.

Капитализм с неизбежностью порождает демократию и гражданское общество. Лишь при демократии и правовом государстве частная собственность, свобода конкуренции и капиталистическая экономика в целом имеют надежные гарантии. Демократия же и правовое государство значительно поднимают уровень эффективности политического руководства и политического менеджмента. Что, в свою очередь, еще более способствует общественному прогрессу.

Капиталистический рынок с неизбежностью порождает научно-технический прогресс. Мы видим, что этот прогресс почти отсутствует на протяжении всей человеческой истории. Лишь с возникновением капитализма научно-технический прогресс становится важнейшим фактором социальной жизни. Более того, благодаря капитализму он приобретает настолько взрывной характер, что его начинают называть «научно-технической революцией».

Связь капитализма и научно-технического прогресса очевидна. Капиталист кровно заинтересован во внедрении технических новшеств в производство, поскольку эти новшества, повышая качество товара и, одновременно, снижая его себестоимость, позволяют ему успешно конкурировать на рынке. За любой рыночной акцией всегда скрывается определенный **субъект экономического интереса**, то есть человек или группа людей, которые получают непосредственную прибыль от этой акции или же несут от нее убытки. Именно они являются вольными или невольными агентами научно-технического прогресса. **Капиталистический частный интерес порождает развитие.**

Всю свою жизнь (в СССР, а потом в современной России) я непрестанно слышу о том, что правительство предпринимает усиленные меры по реализации и внедрению научно-технического прогресса. Вновь и вновь средства массовой информации сообщают мне об очередном решении правительства, об очередной его программе, направленной на развитие научно-технической базы. На это тратятся огромные усилия и колоссальные деньги. Если бы я был простым российским (советским) обывателем, то испытывал бы лишь благодарность к мудрому правительству и лелеял надежду на светлое будущее. Я любил бы свою родину и гордился ею. Но, к несчастью, я – враг своей родины, ибо в отсталой стране любой образованный и умный человек, по мнению большинства, оказывается врагом страны. В то время как толпа ликует и предвкушает светлое будущее, умный и образованный человек понимает: страна катится в пропасть. Естественно, такой человек – враг.

Циклопические усилия правительства по реализации научно-технического прогресса есть вернейший показатель того, что это общество является отсталым. И это вернейший показатель того, что эта отсталость сохранится надолго, ибо движение осуществляется по неверному пути. Научно-технический прогресс невозможно стимулировать директивно. Также как невозможно отключить все естественные функции органов человеческого тела и рассчитывать, что тело будет успешно функционировать, благодаря внешнему управлению. Элементы жизни вполне можно поддерживать в таком теле искусственно, но это тело никогда не сможет конкурировать с телом здорового человека.

Научно-технический прогресс есть порождение капитализма. При капитализме излишне направлять политическую волю на научно-технический прогресс (хотя и можно его стимулировать гибким финансированием). Этот прогресс реализуется естественным путем, благодаря повседневным усилиям капиталистической экономики. Если возникают трудности, то это первый признак, что с капиталистической экономикой что-то не так.

Если вы не создали капиталистического общества, то у вас и не будет никакого научно-технического прогресса. В лучшем случае вы можете заниматься лишь заимствованиями. Но финансирование этих заимствований проблематично: оно еще больше загоняет общество в тупик отсталости, поскольку источником этого финансирования оказывается само отсталое общество. Все большее изъятие материальных средств из отсталого общества еще больше душит его. При этом заимствованные технологии и средства производства не делают страну богаче, поскольку они отторгаются архаической социальной структурой. В результате немо-

дернизированная страна все более и более разрушается социальными противоречиями – традиционные противоречия архаического общества многократно усиливаются за счет противоречий, присущих обществам модернизированным. Отсталая страна обретает множество новых проблем, но не получает средств к их разрешению.

Естественно, что на геополитическом поле такая страна безнадежно проигрывает модернизированным странам – ей трудно противостоять им. Существует несколько способов естественного и искусственного давления модернизированных капиталистических стран на некапиталистические.

1. Военное давление. Научно-технический прогресс и массовое производство позволяют модернизированным странам иметь современные вооруженные силы. Эти вооруженные силы порождены капиталистическим обществом и относительно безболезненно финансируются им – они не разрушают их экономику и общество. Таким образом, немодернизированные страны принуждены постоянно разрешать неразрешимую проблему: как создать и поддерживать современные вооруженные силы, имея источником их финансирования лишь отсталую, немодернизированную экономику.

2. Экономическое давление. Более развитые структуры по определению эксплуатируют структуры менее развитые. Простейший пример – человек и природа. Человек, являясь представителем более сложной, социальной формы жизни, эксплуатирует живую и неживую природу. Соответственно, модернизированная экономика с неизбежностью эксплуатирует экономику немодернизированную. И этому еще более способствует политика заимствований, поскольку она с необходимостью предполагает торговлю с модернизированными странами – чтобы покупать технологии, средства производства и потребительские товары, необходимо что-то продавать.

3. Культурное давление. Оно осуществляется, как минимум, трояко.

А). Поступление товаров модернизированного общества внушает подданным отсталой страны мысль, что модернизированные страны лучше и совершеннее их родной страны. Экспансирующей стране нет никакого смысла тратить на информационную войну – холодильник или стиральная машина, которые воспринимаются «туземцами» как чудо техники, эффективнее сотни подрывных радиопередач.

Б). Культурная продукция модернизированных стран оказывает мощнейшее пропагандистское воздействие на подданных стран немодернизированных. В тот момент, когда советские власти решили заработать на прокате иностранных кинокомедий у себя в стране, участь Советского Союза была предрешена. Зритель смеялся над проделками французского комика и бессознательно прельщался тем образом жизни и уровнем потребления, с которыми знакомился во время просмотра фильма. Богатство и вольготность западной жизни исподволь дискредитировали жизнь советскую.

В). И, наконец, самое страшное. Наука и современное искусство также являются порождением капитализма. Соответственно, отсталые страны, пытаясь завести у себя современную науку и современное искусство, с неизбежностью создают «пятую колонну» – интеллигенцию. Не делать этого они не могут. Им нужны образованные люди, которые бы могли обслуживать производство, государство и образование. Эти общества нуждаются в учителях, врачах, инженерах, ученых, юристах, профессорах и т. д. И перед этими людьми ставится задача – поддерживать свой профессионализм на должном уровне, то есть они должны быть в курсе всех мировых достижений. Таким образом, немодернизированная страна с необходимостью создает интеллигенцию. Интеллигенция же впитывает западную науку и западное искусство. И нет ничего удивительного в том, что впитывая все это, она усваивает западное мировоззрение. В итоге же, являясь умными, образованными людьми, представители интеллигенции не могут не видеть, насколько их страна дика и отстала.

Печальна участь интеллигенции немодернизированных стран. Она находится в постоянной войне с политической властью. Власть создает интеллигенцию, ибо нуждается в ней, и власть сражается с интеллигенцией, поскольку видит, что интеллигенция почти всегда с ней не солидарна. Фактически, политическая власть немодернизированных стран требует от интеллигенции невозможного: ты должен быть умным и образованным, но при этом обязан воспринимать власть и положение дел в стране так, как их воспринимают твои необразованные соотечественники; тебе ни в коем случае нельзя быть независимым в своих суждениях и ты обязан воспринимать архаическую идеологию власти как истину в последней инстанции; ты должен учиться у Запада, но не должен перенимать западных идей. Архаическая власть желает наслаждаться плодами просвещения так, чтобы это просвещение не затронуло ни ее, ни ее подданных. Граф С. С. Уваров – министр народного просвещения при Николае I – по этому поводу заметил, что люди которые «желают просвещения и в то же время хотят «обезвредить» его результаты, подобны «желающим огня, который бы не жегся». (Андрей Зубов. Статья: «Граф «православие, самодержавие народность»». «Новая газета» № 97 от 29 августа 2012 г. С. 18–19.).

Интеллигенция находится в постоянной войне с собственным народом. Народ дик и необразован, верит власти и воспринимает интеллигенцию в качестве дармоедов, жирующих на его труде и при этом его же обхаивающих.

Интеллигент немодернизированной страны – трагическая, несчастная личность. Он любит Запад, но на Западе жить не может, поскольку он – дитя своей страны. Но и в собственной стране он тоже жить не может, ибо боится ее и тяготится ей. Он видит, что страна катится в пропасть, что его соотечественники с ликованием и надеждами сами направляются в эту бездну под трубный рев и бой барабанов. Он видит, что эта толпа тащит в бездну и его и что он первым будет брошен в эту бездну – при социальной катастрофе обвинят во всех бедах именно его и расправятся именно с ним. И при этом интеллигент ничего не может сделать: он не в состоянии что-либо объяснить ни власти, ни соотечественникам и не в состоянии их переменить.

Интеллигенция – это достаточно проблематичный и опасный социальный класс. Обладая высоким самомнением, среднестатистический интеллигент редко занимает социальное положение, которое, по его мнению, достойно его. Мысленно управляя страной и миром, он вынужден подчиняться «тупым» представителям правящих классов. Кроме того, работая с идеями и живя в мире идей, интеллигент склонен доверять этим идеям больше чем реальности. Эти факторы активно способствуют тому, что интеллигент склонен порождать фантастические, радикальные идеологии и фанатично служить им. В развитых странах все эти опасные свойства интеллигенции более или менее «стреножаются» модернизированным обществом – это общество породило интеллигенцию и оно выработало предохранительные механизмы против интеллигентского экстремизма.

Иное дело – интеллигенция немодернизированных стран. Она порождена политикой заимствований. Она не возникает естественным образом из сущности и потребностей «архаического» общества. В результате, интеллигенция немодернизированной страны во многом оказывается искусственным явлением, пребывающим в искусственных условиях. И немодернизированная страна не имеет предохранительных механизмов против интеллигентского экстремизма. В итоге, интеллигенция этих стран поражена теми же болезнями радикализма и идеалистичности, что и интеллигенция стран модернизированных, но здесь эти болезни приобретают особенно острый и пандемический характер. То эта интеллигенция впадает в прогрессистский и революционный раж, то массами обращается к архаическим идеологиям. И в том, и в другом случае, она толкает страну к катастрофе.

Особо скажу о любви интеллигенции отсталых стран к коммунистической идеологии. Эта идеология также возникла на Западе. Она возникла в процессе модернизации западных стран

и отражала настроения двух классов. С одной стороны, коммунистическая идеология являлась одной из форм консервативной реакции интеллигенции на развитие капитализма (один из моментов реакции: впитав идеалы христианской культуры, интеллигенция была возмущена безжалостностью, бездуховностью, несправедливостью капиталистических порядков). С другой стороны, коммунизм оказался удобной идеологической формой для борьбы пролетариата за свою долю капиталистического богатства. Как только пролетариат эту долю добыл, он отвернулся от коммунистической идеологии.

В немодернизированных же странах коммунистическая идеология нашла свое подлинное отечество. Эта идеология была с энтузиазмом воспринята местной интеллигенцией в качестве универсального ответа на терзающие ее «роковые» вопросы. Сознание местной интеллигенции оказывается невротически раздвоенным: с одной стороны, интеллигенция тяготеет к западному прогрессу, с другой же стороны, панически его боится и желает сохранить местную самобытность. Коммунизм дает этой интеллигенции волшебную иллюзию – можно реализовать западные достижения, можно превзойти Запад, можно добыть сколь угодно много карго, не впадая, при этом, в «капиталистический грех», не превращая собственную страну в низкопробную капиталистическую лавку.

Поскольку интеллигенция фактически ответственна за состояние умов страны, ее увлеченность коммунизмом способна распространиться на наиболее активные группы населения. Мы видим, что в XX веке коммунистическая идея не смогла покорить ни одну развитую, модернизированную страну, но она, как пожар, охватила десятки стран отсталых и периферийных. Ей это было сделать тем более легко, что коммунистические идеи оказались удивительно созвучны архаической социальной практике этих стран. Испокон веков в этих странах подавлялась и отрицалась частная собственность, воспевалось сильное, всепоглощающее государство и проповедовалась коллективистская идеология. Испокон веков в этих странах идея социальной справедливости являлась официальной идеологией деспотического государства – стремясь выйти из-под контроля элит, государство позиционировало себя как защитник народной справедливости. Таким образом, обратившись к коммунизму, немодернизированные страны обрели многообещающую иллюзию: можно устремиться в светлое будущее, не оскверняя при этом себя проклятым капитализмом.

И последнее. «Карго», современная техника и современные технологии, так или иначе, все же попадают в руки представителей отсталых стран. Это очень серьезная проблема глобального характера. Мы видим, что существует определенная взаимосвязь между техническим прогрессом и прогрессом социальным. Цивилизованные страны более склонны к ответственному и гуманному поведению, чем страны архаические. Последние постоянно оказываются во власти агрессивных и фантастических идеологий. Обладая современным вооружением, они опасны не только для своих соседей, но и для мира в целом.

Кроме того, архаическая социальная структура не способна поддерживать надлежащий порядок в эксплуатации сверхсовременной техники. Вероятность техногенных катастроф, в итоге, резко возрастает. В целом же, экология этих стран оказывается в серьезной опасности, поскольку современное экологическое сознание здесь плохо приживается.

Комментарий № 4

Несколько условно революции Нового и Новейшего времен можно классифицировать следующим образом: 1. Буржуазные революции; 2. Национально-освободительные революции; 3. Революции-катастрофы.

Буржуазные революции сметают прежние, аграрные социальные порядки и преобразуют общество на буржуазный, капиталистический лад. Национально-освободительные революции имеют своей задачей освобождение страны от господства другой державы. Часто нацио-

нально-освободительные революции по своей сути оказываются и буржуазными революциями (например, Американская революция XVIII в.).

Особое место занимают революции-катастрофы. Этот термин достаточно условный – я пока не придумал более подходящего названия. Этот тип революций очень распространен в Новейшее время. Процессы модернизации по своей природе весьма болезненны. Особенно если это «догоняющая», вынужденная модернизация. Такая модернизация осуществляется обществом под давлением необходимости – ради выживания в ожесточенной конкурентной борьбе на международной арене. Общества, принужденные осуществлять подобную модернизацию, психологически не готовы к ней и не принимают ее. В результате, модернизация осуществляется медленно, противоречиво, непоследовательно и избирательно. В обществе доминирует фантазия, что есть возможность модернизировать какие-то отдельные социальные сферы или институты, не затрагивая самой сути традиционного уклада.

Очень часто такая вынужденная «догоняющая» модернизация не приносит обществу ничего, кроме убытков – общество не получает тех «дивидендов», которые оно могло бы получить от последовательной и радикальной модернизации.

Но, при этом, проблемы и противоречия старого, аграрного уклада еще более обостряются проблемами, порожденными модернизацией. В итоге, общество может просто не выдержать этого груза проблем и «взорваться», как взрывается паровой котел, лишенный клапана для выпуска пара.

Если такой «взрыв» произошел, то общество оказывается захваченным какой-нибудь «химической», утопической идеологией. Под флагом этой идеологии общество преобразуется сверху донизу на какой-нибудь радикально-фантастический манер. Революционеры террором и пропагандой направляют все усилия общества на построение невиданного ранее социального порядка, открывающего эру всеобщего счастья и решения всевозможных проблем. Естественно, этот проект утопичен, и после его краха общество пребывает в тотальной разрухе и дезориентации. Таким образом, революции этого типа являются в своей сути социальной катастрофой. Причем, здесь мы имеем дело с «двойной» катастрофой. Первая катастрофа означает гибель старого общества. Крах же утопического проекта оказывается второй катастрофой, наступающей общество.

Революции-катастрофы условно можно разделить на два типа, сообразно характеру идеологии, их оформляющей. Первый тип – «традиционалистские революции-катастрофы». К ним можно отнести революции фашистского и религиозно-фундаменталистского типа. Эти революции проходят под флагом идеологии, ориентирующейся на традиционные ценности. Эта ориентация, казалось бы, не должна означать для общества катастрофу – ведь речь идет о восстановлении традиционного уклада социальной жизни. Но подобные идеологии, не смотря на всю свою традиционалистскую форму, в действительности являются порождением тех модернизационных влияний, против которых они сражаются. Эти идеологии создает интеллигенция, которая возникает в результате модернизационных реформ. И конструирует она эти идеологии по образцам заимствованным извне⁵. Кроме того, желая возврата к традиционному укладу жизни, радикалы-традиционалисты используют новейшие модернизационные средства: современное государство и современные средства политической борьбы. Тем самым желая сохранить традиционный уклад жизни, они в действительности радикально преобразуют его и, фактически, разрушают. Блестящий пример тому – национал-социалистическая Германия.

Второй тип – «футуристические» революции. Они проходят под флагом идеологии, устремленной в будущее. Такая идеология заявляет, что она способна построить общество

⁵ Прекрасный пример тому – российская патриотическая интеллигенция. Вся ее патриотическая идеология сконструирована по схемам и понятиям западного националистического романтизма XIX века (прежде всего, немецкого). Если бы эти понятия и схемы не были бы позаимствованы в свое время у Запада, то наша патриотическая интеллигенция просто не имела бы возможности осознать и выразить те прекрасные национальные идеи, на развитии которых она делает свою карьеру.

будущего быстрее, лучше и надежнее, чем это может сделать обычная капиталистическая модернизация. Классическим примером этого типа революции являются социалистические революции.

Глава 2. Научная революция Нового времени. Основные черты философии Нового времени

Развитие капитализма на Западе сопровождается **секуляризацией**⁶ общества и культуры. Культура освобождается из-под власти церкви и религии. Она становится многообразной и сложноорганизованной. Возникают новые литературные, музыкальные, театральные, изобразительные и другие культурные формы. Возникает и бурно развивается наука. Мир *«расколдовывается»*.

Древний и средневековый человек жил в мире полном тайн, чудес и ужасов. За этим миром присматривал Бог, и в нем пакостил дьявол. Человеку оставалось лишь пытаться вести себя правильно, чтобы избавиться от власти дьявола и угодить Богу. Наука и современная цивилизация «расколдовали» мир. Современный человек живет в материальном мире, подчиненном естественным законам. Он познает эти законы и успешно преобразует окружающий мир и самого себя. Вместо древнего восхищения, удивления и ужаса им владеет рациональный практицизм инженера и творца.

Основой всех этих культурных изменений является современное капиталистическое общество. Оно не только порождает их, но и позволяет им существовать. Иными словами, буржуазия и средний класс не только творят эти изменения, но и активно ими пользуются, финансируя их. (См. комментарий № 1).

Возможно, у читателя уже возник вопрос, отчего в книге по философии я так много говорю о социально-экономических процессах. Какая связь может быть между культурой и какими-то там буржуа? Если мы хотим исследовать сущность философии, литературы, или музыки, то зачем нам обращаться к экономике? Связь здесь непосредственная. Я открою вам один большой секрет: и писатель, и философ, и музыкант хотят есть и хотят есть сытно. И это не единственная их потребность. Это сложноорганизованные люди, и их потребности весьма высоки. Иными словами, если общество желает иметь высокоразвитую культуру, оно должно эту культуру финансировать⁷. Аграрные общества столь бедны, что образцы «высокой» культуры доступны лишь элите. Немногочисленные творцы обслуживают потребности высших классов и полностью зависят от них. В итоге, консервативность аграрных элит порождает консервативность культуры.

Совершенно иная ситуация складывается в городском индустриальном обществе. Капиталистическая экономика создает колоссальное материальное богатство. Кроме того, промышленность и торговля позволяют финансировать современное централизованное государство с многочисленным чиновничеством, с мощными армией и флотом. Централизованное государство нуждается в централизованной системе образования, ибо подрастающее поколение, например, в Лионе или в Нормандии, узнает лишь в школе о том, что оно – часть великой французской нации. Там же заодно оно изучает французский литературный язык. Единый рынок и единое образование – необходимые условия для формирования нации. Капиталистические структуры, государство, образовательные учреждения нуждаются в массе образованных людей.

⁶ Секуляризация – процесс снижения роли религии в сознании людей и жизни общества; переход от общества, регулируемого преимущественно религиозной традицией, к светской модели общественного устройства на основе рациональных (вне-религиозных) норм. Политика государства, направленная на уменьшение влияния и роли религии (например, секуляризация образования). (Википедия).

⁷ Эта идея весьма популярна среди нашей интеллигенции. Под финансированием она понимает, прежде всего, государственное финансирование. Но если культура финансируется государством, то это первый признак того, что эта культура имеет заимствованный, искусственный характер – она не востребована обществом и не нужна ему. Наилучшее финансирование – частное (когда человек покупает билет на концерт или книгу, он финансирует создателя этого артефакта культуры). Возможно, конечно, и государственное финансирование, но как вспомогательное. Финансирование означает управление. Управление же культуры чиновником малоэффективно, а иной раз и губительно.

И они создают и финансируют эту массу. Распространение образования порождает массового потребителя артефактов культуры. Этот потребитель, как человек богатого буржуазного общества, может и хочет платить представителям культуры за их творчество.

Так, например, у музыканта в Средние Века было лишь три возможности заработать себе на жизнь. Первая. Он мог развлекать за жалкие гроши простой народ на площади. Доход столь скуден, что иной раз приходилось «подрабатывать» воровством, разбоем или проституцией. Вторая возможность – служба какому-нибудь барону. Барон усаживается пировать, щелкает пальцами и восклицает: «Эй, там!».

И музыканты услаждают слух господина. Если господин недоволен, то он может, например, бросать в них кости или приказывать высечь. Третья, пожалуй, самая лучшая возможность – музыкант служит церкви. Его статус относительно высок, и доход стабилен, но возможностей для развития практически нет – консерватизм культа требует консервативной, «канонической» музыки. Новации – это начало ереси.

Ситуация постепенно меняется с ростом капиталистических структур и формированием городской индустриальной цивилизации. Все большее количество людей оказывается образованным настолько, что нуждается во все более сложной музыке, и готово ее оплачивать. Возникает феномен независимого светского музыканта. Иными словами, если бы общество не имело материальных средств, если бы в этом обществе не было большой массы людей способных и готовых воспринимать такую музыку, феномен независимого светского музыканта просто бы не возник.

Это справедливо и в отношении художника, писателя, ученого, философа и т. д.

Мои студенты-музыканты иной раз заявляют мне: «Как же так?! Вы – поклонник Баха и вместе с тем – атеист. Разве можно понять музыку Баха, не исповедуя веры, для которой он эту музыку писал?» Иной раз они еще и ссылаются на мнение авторитетных педагогов-музыкантов. Подобные аргументы меня не могут смутить. «Но позвольте, – отвечаю я, – если Вы правы, то и Вам не доступно понимание музыки Баха. Почему? Ну, как же! Бах – протестант, а Вы принадлежите православию. А сколь пагубна «лютеранская ересь» Вы и без меня знаете!» И далее перехожу в наступление – предлагаю назвать «сходу» композиторов первой величины, живших в XIX–XX вв. и писавших **преимущественно** церковную музыку.

Ни одного композитора музыканты мне назвать не могут. «Вот видите, – подытоживаю я – как только у композиторов появилась возможность стать чисто светскими музыкантами, они этой возможностью тотчас воспользовались. Так почему Вы думаете, что Бах не поступил бы так же, живи он в XX в.?»

Итак, мы видим, что возникновение капиталистического индустриального общества порождает культурную революцию. Формируется новая культура. Она неизмеримо сложнее и разветвленное культуры аграрного общества. Она приобретает массовый характер, ибо обращается к миллионам.

Слово «массовый» не должно нас пугать. Традиционно в нашей культуре слово «массовый» сопровождается ощущением некачественности и примитивности. Любимый лейтмотив современного человека – сетование на кризис и деградацию культуры. Это предрассудок, это миф. Человек – весьма консервативное существо.

Ему всегда кажется, что раньше все было лучше. Особенно это кажется людям пожилым. Они, безусловно, правы. Действительно, когда они были молодыми, еда была сытнее, вода – вкуснее, а воздух – слаще. И люди были лучше, не в пример современной молодежи. И эту истину они спешат сообщить подрастающему поколению. А поскольку ребенок обладает врожденной способностью впитывать как губка информацию от старших, то к моменту взросле-

ния мысль о том, что раньше было лучше, приобретает для него характер очевидности. Таким образом, сетования о кризисе и упадке культуры есть озвучивание определенной социальной программы. Эта программа, безусловно, паразитарна и вредна, она вносит серьезные помехи в адекватное восприятие реальности.

Если же мы эту программу отключим, то увидим, что современная культура, безусловно, развивается и свидетельств тому – множество. Чтобы сильно не углубляться в этот предмет, я приведу лишь один пример. В эпоху Возрождения просвещенный человек вполне мог быть приобщен ко всем сферам культуры и слыть их знатоком. Более того, он сам мог быть выдающимся творцом сразу в нескольких науках или искусствах. Ныне это невозможно. Культура столь разрослась, столь обогатилась, что человек вынужден специализироваться, как правило, лишь в чем-то одном. Каждая отрасль культуры оказывается подобной Вселенной, и вступающий в нее может лишь мечтать о том, чтобы освоить хотя бы ее часть. Кто сегодня может похвастаться, что он детально осведомлен во всех науках или во всех искусствах? Кто сегодня может заявить, что он знает абсолютно все о мировой литературе или живописи?

Светский характер культуры Нового Времени проявляется и в способах осмысления цели и назначения культуры. Культура Средних Веков находилась почти под тотальным контролем церкви. Она не имела самоценного характера. Какие-либо элементы и формы культуры допускались лишь постольку, поскольку они приводили к Богу. Все, что не вело к Богу, рассматривалось, как весьма подозрительное, если не враждебное. Формирование буржуазного общества создало ту основу, которая позволила культуре выйти из-под власти церкви. Культуры секуляризуется. Искусство обращается к светским сюжетам и мотивам, наука исследует мир, а не божественное. И адресуются они мирскому человеку, озабоченному мирскими интересами и преисполненному прагматизмом.

Этот поворот, конечно, не означает, что в обществе воцарился атеизм. До XX века европейское общество оставалось все еще религиозным, а открытое провозглашение себя атеистом грозило провозгласившему многими неприятностями. Но теперь представители культуры, публично выражая всяческое почтение к религии, дистанцируются в своей творческой деятельности от нее. Теперь наука, искусство, общественная жизнь мыслятся во многом независимыми от церкви. Особенно ярко это проявляется в науке. В этом отношении, очень характерны слова Галилео Галилея: «Я не обязан верить, что один и тот же Бог одарил нас чувствами, здравым смыслом и разумом – и при этом требует, чтобы мы отказались от их использования».

Этот поворот в культуре привел, в том числе, и к весьма забавным последствиям. Вчерашний слуга Бога ныне сам превратился в «бога». Это, прежде всего, касается искусства. В тот момент, когда искусство стало светским и обрело массового светского потребителя, оно стало «сакрализироваться». Искусство превратилось в «священную корову», в некое священнодействие, а представители искусства стали маленькими богами или, выражаясь современным языком, *гениями*. Я называю этот феномен **культурным фетишизмом**.

Культурный фетишизм – явление, возникшее в последние два столетия, хотя определенные подвижки в эту сторону мы можем обнаружить уже в эпоху Возрождения. Впервые же идея «обоготворить» духовные сущности осенила Платона. Впрочем, платонизм был лишь одной из многих традиций Античности.

Фетиш – это идол, священный предмет, которому поклоняются дикари. Культурный фетишизм – это восприятие элементов, ценностей и артефактов духовной культуры в качестве Абсолютов, которым человек **должен** служить и поклоняться. Знание, сохранение, почитание (а еще лучше – создание) и **усвоение** этих абсолютов придает смысл и значение человеческой

жизни. Жизнь вне служения этим абсолютам бессмысленна, бесполезна, порочна и, возможно, не нужна⁸.

Для современного человека культура и, в частности, искусство превратились в фетиш. Духовный трепет, который испытывает какая-нибудь светская дама, посещая картинную галерею, консерваторию или театр, можно сравнить лишь с трепетом, который испытывал человек Средневековья, входя в храм. Тот, кто не посещает этот «храм», то есть не живет культурной, духовной жизнью, вызывает у этой дамы презрение и отчуждение. И она горда тем, что она – человек другого сорта.

Соответственно, статус представителей духовной культуры неизмеримо возрастает. Высшая ступень – звание гения. Гением нужно восхищаться, ему нужно поклоняться, ему должно служить, ибо оказаться причастным вечности можно лишь через причастность к жизни и творчеству гения.

(Да, кстати, чуть не забыл: гению нужно еще и многое прощать. К нему неприменимы мерки, с которыми мы подходим к обычному человеку. Ах, как я жалею, что не обладаю званием и статусом гения! Какое чудесное состояние! Какие удивительные, изысканные удовольствия! Вот, например, приходит ко мне в гости человек. Мы пьем кофе. И вдруг я ни с того ни с сего беру и плюю ему в чашку. Что скажет публика? «Негодяй, мерзавец, хулиган» – скажет публика. А вот если я, например, – Сальвадор Дали, то публика не только все простит, но еще и восхитится.

«Ах, как мучается творческая личность!» – посочувствуют самые проникательные: «Интересно, что он этим хотел сказать? Должно быть, что-то глубокое».)

Одно из важнейших событий культурной революции Нового Времени это **возникновение науки**.

Безусловно, наука существовала и в Средние Века, и в века Античности, но ее примитивный умозрительный характер часто дает повод многим современным исследователям обозначать ее в качестве «протонауки» (преднауки). Наука в современном смысле этого слова, наука, базирующаяся на современных стандартах исследования и доказательства, стала формироваться лишь с XVI века. Этот процесс был столь бурным и стремительным, что часто в научной литературе можно встретить термин **«научная революция XVI–XVII вв.»**

В это время был открыт такой важнейший метод, как **эксперимент**. Ни Античность, ни Средневековье экспериментального метода не знали. Иногда, в качестве возражения приводят пример Архимеда с его погружением предметов в жидкость. Это хороший пример, который как раз и доказывает мой тезис.

Во-первых, необходимо помнить, что Архимед практиковал в области наук «продуктивных», то есть наук, занимающихся практической деятельностью. Если вы помните, согласно классификации Аристотеля – это самый низший, самый неинтересный вид наук. Кроме того, изыскания Архимеда оказались маргинальными по отношению к высокой науке Античности.

Во-вторых, интуитивно нащупав экспериментальный метод, Архимед так и не понял, что этот метод имеет универсальный характер в изучении природы. Он просто констатировал, что данную проблему – нахождение объема тела – можно решить данным способом. Лишь философы и ученые Нового Времени (а тогда это было одно и то же) осознали универсальность и эвристический (познавательный) потенциал эксперимента.

Открытие экспериментального метода стимулировало стремительное развитие науки. Ее фактуальная база стала стремительно расширяться. Уже одно это обстоятельство преобразовало весь облик науки.

⁸ Культурный фетишизм – это разновидность более общего постхристианского фетишизма. В качестве фетишей могут восприниматься не только элементы духовной культуры, но и политические, этические, этнические и прочие феномены.

Кроме того, умножение фактического материала способствовало развитию математических методов. В итоге, эксперимент и математика преобразовали науку, придав ей точность и основательность в суждениях.

Все более нарастающий объем знаний о мире необходимо было упорядочивать и классифицировать. Появляются отдельные научные дисциплины, частные науки. Первая из них – физика. До определенного момента физика все еще «ютится» в рамках философии. Мы видим, что еще в конце XVII века создатель современной физики Исаак Ньютон воспринимает себя в качестве философа, а свою деятельность – как деятельность в области экспериментальной и натуральной философии (философия природы). Его главное произведение, посвященное основам механики, называется «Математические начала натуральной философии». Но уже в XIX веке физика выступает как отдельная, частная наука, имеющая мало общего с философией. Более того, теперь она относится к философии подозрительно и враждебно, противопоставляя ее умозрительным, крайне сомнительным выводам свое конкретное и точное знание о мире.

Новая наука все более освобождается от умозрительных, метафизических предрассудков. Радикально меняется и характер ее мировоззрения.

Теперь она познает не храм мироздания, созданный Богом, и не самого Бога, но лишь скопление материи, именуемой «Природа». Естественно, этот переворот случился не в один день. Речь идет, во многом, о постепенном перерастании старого в новое.

«Почти все, чем отличаются нынешние времена от более ранних веков, обусловлено наукой, которая достигла своих наиболее поразительных успехов в XVII веке. Итальянское Возрождение, хотя оно и не относится к средневековью, не относится и к Новому времени; его можно сравнить с лучшим периодом Греции. XVI век, с его засильем теологии, более средневековен, чем мир Макиавелли. Новое время, насколько это касается духовных ценностей, начинается с XVII века. Нет такого итальянца эпохи Возрождения, которого не поняли бы Платон или Аристотель; Лютер привел бы в ужас Фому Аквинского, но последнему было бы нетрудно понять его. С XVII веком дело обстоит иначе: Платон и Аристотель, Фома Аквинский и Оккам не смогли бы понять Ньютона... Следствием рассмотренной нами научной деятельности было то, что взгляды образованных людей совершенно изменились. В начале века Томас Броун принимал участие в суде над ведьмами; в конце века такая вещь была бы совершенно невозможна. Во времена Шекспира кометы все еще были чудом; после опубликования «Начал...» Ньютона в 1687 году стало известно, что он и Галлей вычислили орбиты некоторых комет и что кометы так же подчинены закону тяготения, как и планеты. Власть закона установила свое господство над мыслями, делая невероятными такие вещи, как магия и колдовство.

В 1700 году мировоззрение образованных людей было вполне современным, тогда как в 1600 году, за исключением очень немногих, оно было еще большей частью средневековым». (11. 628–640).

Меняется и тип ученого. Он приобретает новый облик.

Ученый Античности – это философ, прогуливающийся по дорожкам сада и размышляющий о том, как устроен мир. У него нет особого желания исследовать окружающий мир «на ощупь». Даже такой прагматик и «эмпирист», как Аристотель, иногда попадает, сам не ведая того, в весьма сомнительные ситуации.

По поводу одной из них весьма ехидно высказался Джим Хэнкинсон. Хэнкинсон цитирует трактат Аристотеля «О рождении животных»: «У змей нет пениса, потому что они

лишены ног, и нет яичек, потому что они слишком длинные». Далее автор весьма ехидно комментирует это место следующим образом: «Философ никак не обосновывает первое из этих утверждений, но, по-видимому, он имеет в виду, что пенис волочился бы по земле, и это причиняло бы его владельцу массу неудобств. Второе же утверждение следует из Аристотелевой теории воспроизводства. Он полагает, что сперма вырабатывается не яичками, а спинным хребтом, а яички служат лишь промежуточным звеном, местом отдыха спермы на ее длинном пути. Кроме того, в остывшем состоянии сперма не может выполнить свою животворную функцию, и чем дольше ее путь до места назначения, тем менее животворной она становится (в частности, именно поэтому, пишет Аристотель, мужчины с очень длинными пенисами бесплодны). А змеи тоже очень длинные, и если бы у них имелись, к тому же яички, где сперма останавливалась бы передохнуть, то она совсем остыла бы, и змеи были бы бесплодны. А поскольку это не так, то значит, и яичек у них нет». (30. С. 17) Автор несколько утрирует суждения Аристотеля, но, в целом, ему удается прекрасно передать умозрительный характер античной философии.

Еще хуже дело обстояло со средневековой наукой. В Средние Века наука переместилась в келью монастыря⁹ и приобрела совершенно книжный характер. Несколько утрируя, ситуацию можно описать так:

Если перед монахом-ученым вставала некая естественнонаучная проблема, то он искал ее решение в трудах авторитетных представителей церкви. Если он не находил в них ответ, то, вздыхая, с некоторым опасением (все же еретики и язычники) он обращался к ученым трудам арабов и античных авторов. Если же и они не давали ответа, то оставался последний, самый авторитетный источник – Библия. И если даже в ней не было указаний на то, как следует разрешать эту проблему, то становилось совершенно очевидно, что проблема не является достойной того, чтобы ей заниматься. Неудивительно, что одним из надежнейших критериев истинности для Средневековья является авторитет того, кто делает суждения. Чем древнее или чем святее источник суждения, тем больше истины оно содержит.

Представитель же новой науки совершенно не верит в авторитет. Не доверяет он и отвлеченному умозрению – личное исследование предмета в опыте предпочтительнее книжному знанию о нем. В итоге, наука перемещается из монастырских келий в лабораторию. Вместо монаха-книжника мы видим ученого в фартуке, изобретающего и конструирующего новый прибор для очередного эксперимента.

Покидает наука и стены университета. Университет – это средневековый оплот схоластической учености. В тот момент, когда Галилей изобретает телескоп, чтобы лучше исследовать небесные светила, профессора университета ищут знания об этих светилах в Библии и трудах Аристотеля. Соответственно, новая наука разрабатывается учеными-одиночками, которые сообщаются между собой посредством публикаций и личной переписки. В тот момент, когда представителей новой науки становится достаточно много, возникает мысль об основании академии. Академия – это место, где представители новой науки могут собираться и знакомиться с достижениями друг друга. Те же, кто не имеет возможности лично присутствовать на ее заседаниях, являются ее членами-корреспондентами – они письменно сообщают академии о результатах своей работы. В XVII–XVIII вв. академии возникают почти во всех европейских странах. Наличие академии – первый показатель «продвинутой» страны в области науки и просвещения.

Все вышеперечисленные явления и тенденции с культурологической точки зрения означают одно – радикальное возвышение теоретичности новоевропейской культуры. В начале пер-

⁹ Средневековый университет находился под тотальным контролем церкви. Большинство его преподавателей были представителями церкви. И мыслили они так, как если бы пребывали в монастырской келье.

вого тома я уже использовал понятия «симпрактическая» и «теоретическая» культура, поэтому отсылаю вас к соответствующему месту. Напомню лишь об одном обстоятельстве.

Культуры древних цивилизаций вполне могут быть обозначены как теоретические. Но что это за теоретичность? Теоретические навыки и структуры, обращены в них преимущественно на религиозный и метафизический аспекты. Область практики тысячелетиями по-прежнему пребывает в сфере симпрактического. Иными словами, ремесленник и мастер создают новое методом проб и ошибок, поскольку их деятельность жестко зафиксирована устоявшимся набором практических приемов. Более того, весьма часто она деспотически регламентируется корпоративными стандартами, государственными инструкциями и религиозными канонами.

В Новое время эти стандарты, инструкции, каноны постепенно размываются и отбрасываются. И в освобожденную практическую деятельность все больше проникают навыки теоретической культуры. Мы видим мощное встречное движение высокой науки, с одной стороны, и промышленности и торговли, с другой. Иными словами, представителям высокой науки все более интересна практическая деятельность, и те навыки и знания, которые она содержит. Представители же промышленности и торговли оказываются все более заинтересованными в результатах теоретической деятельности. Возросшая ценность образования и его все более широкое распространение способствуют этому движению. В свое время Архимед говорил: дайте мне точку опоры, и я переверну мир. Теоретическая культура оказывается той точкой опоры, которая позволяет радикально изменить весь характер практической деятельности. Итогом этого взаимодействия теории и практики является тот феномен, который впоследствии назовут научно-техническим прогрессом.

И удивительные темпы этого прогресса – прямое следствие соединения практики и теоретической культуры.

Все эти новые тенденции проявляются также и в философии. Характер философии радикально меняется. Также как и вся культура в целом, философия секуляризируется и стремится обратиться к насущным проблемам мирской жизни. Она вовлечена в научную революцию XVI–XVII вв., и последствия этой революции преобразуют ее облик и характер. Хотя, если быть точным, то нельзя по отношению к тому времени разделять философию и науку. Вплоть до XIX века философия все еще остается *всеобщей системой научного знания*. Философ – это ученый, а ученый – это философ. Соответственно, одни и те же люди создают новую науку, осуществляя конкретные исследования, и они же создают философские основания этой новой науки. Фигуры Френсиса Бэкона и Рене Декарта – яркие тому примеры.

Научная революция Нового времени в итоге породила целый комплекс частных научных дисциплин, сознательно дистанцирующихся от философии. В свою очередь философия перестала быть всеобщей, универсальной системой знания и сама превратилась в одну из научных дисциплин. Но это произошло лишь в середине-конце XIX века. Пока же проект новой науки есть одновременно проект новой философии.

Одной из наиболее характерных особенностей новой философии является ее стремление быть предельно **рациональной**. Средневековая философия опиралась на веру. Рацию воспринималось этой философией как то, что необходимо контролировать и смирять. Соответственно, первые шаги новой философии направлены к реабилитации рациональности. Философы XVI–XVII веков, хотя и с множеством оговорок, настаивают на рациональном и эмпирическом характере новой философии и новой науки. Но ситуация изменилась очень быстро – стремительный прогресс общества и науки привел к тому, что уже в XVIII веке, по общему мнению, сама вера нуждается в оправдании и реабилитации со стороны Разума. Весьма характерна, в этом отношении, позиция Иммануила Канта: «Что касается *достоверности*, то я сам вынес себе следующий приговор: в такого рода исследованиях никоим образом не может

быть позволено что-либо лишь *предполагать*; в них все, что имеет хотя бы малейшее сходство с гипотезой, есть запрещенный товар, который не может быть пущен в продажу даже по самой дешевой цене, а должен быть изъят тотчас же после его обнаружения». (27. 3. 77).

Этот принцип не является личной прихотью И. Канта. Здесь выражен общий дух эпохи Просвещения. И сообразно этому духу ни одна идея, ни одна общественная сфера не могут уклониться от критики разума: «Наш век есть подлинный век критики, которой должно подчиняться все. *Религия* на основе своей святости и *законодательство* на основе своего *величия* хотят поставить себя вне этой критики. Однако в таком случае они справедливо вызывают подозрение и теряют право на искреннее уважение, оказываемое свободным разумом только тому, что может устоять перед его свободным и открытым испытанием». (27. 3. 75).

Подобная позиция И. Канта становится еще более показательной, если мы учтем, что этот принцип, этот подход провозглашает не какой-нибудь радикальный философ-материалист, приверженный воинствующему атеизму. Кант – глубоко и искренне верующий человек, стремящийся в своей философии примирить науку и веру: «мне пришлось ограничить знание, чтобы освободить место вере» (27, 3, 95).

Вся старая философия предстает в глазах новой философии, как нечто сомнительное, а иногда, и как нечто малоценное. Новая философия проектирует себя, как точное, строгое научное знание. Если старая философия лишь нагромождала одну систему на другую систему, одно умозрение на другое умозрение, одно заблуждение на другое заблуждение, то новая философия мнит себя, как проект научной системы, обладающей окончательной истинностью. Слово-сочетания «истинная философия» или «истинная наука» весьма любимы новоевропейскими авторами.

Но эти авторы не так наивны, чтобы полагать, что одного желания быть истинным достаточно для достижения этой цели. Они задаются вопросами: Что же помешало старым философам обнаружить истину? И где гарантия, что новые попытки обрести истину не будут столь же бесплодными, как и результаты изысканий древних? Отвечая на эти вопросы, новые философы приходят к выводу, что старую философию погубило отсутствие хорошего **метода познания**. Соответственно, **новоевропейская философия, как правило, начинает именно с разработки методологии, то есть способов познания мира** – весьма характерная черта этой философии. Гносеология становится ее «визитной карточкой». Обретение правильного метода познания гарантирует успех новой философии и новой науки.

«В силу своего с самого начала оппозиционного характера, новая философия получила методологическое направление, исследующее ближайшим образом самую деятельность познания, по крайней мере постольку, поскольку она именно не желала более выставлять одно утверждение против другого, но стремилась двигаться вперед при помощи научных доказательств. Часто приходится читать, что Кант впервые возвел философию на точку зрения теории познания. Это верно лишь постольку, поскольку Кант нашел окончательную форму и основание для этой гносеологической тенденции. Но нечего бояться нанести какой-либо ущерб величию Канта признанием, что эта тенденция была с самого начала заложена в научных направлениях новой философии. Не следует забывать, что Бэкон и Декарт, различные во всем настолько, как только могут различаться два философа, сходятся однако в том, что признают необходимым исправить бесплодность схоластики новым методом мышления, и что их метафизические системы целиком построены на искомым ими методах; не следует также упускать из виду, что уже у Локка ясно и точно выражено требование установить границы и силу познавательной способности человека, прежде чем

приступить к исследованию вещей. Этот *гносеологический* основной характер новой философии

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.